Cultural determinants of nationally specific metaphorical models in Russian and Spanish slang

Abdullaev Marks Kamilzhanovich
cazador@yandex.ru
Doctoral student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article presents a comparative analysis of cultural determinants shaping metaphorical models in Russian and Spanish slang. Despite a substantial body of cognitive linguistics research, cultural conditioning of metaphorisation in substandard vocabulary of these two languages remains underexplored. The study's novelty lies in describing the hierarchical organisation of cultural determinants that generate nationally specific metaphorical models. A corpus of 4,199 units was compiled via systematic sampling from authoritative lexicographic sources (1,970 Russian; 2,229 Spanish); the MIPVU metaphor identification procedure and frame analysis were applied. Results show that archetypal schemas CONTAINER, PATH, and FORCE cover 85-89% of the material in both languages, while nationally specific frames account for approximately 30% of the corpus. Dominant cultural determinants in Russian slang are ROAD, HOME, FREEDOM, and FATE; in Spanish – HONOUR, PASSION, DEATH, and FESTIVITY. The findings verify Extended Conceptual Metaphor Theory and clarify the mechanism of cultural filters operating at the level of conceptual domains. Results are applicable to lexicographic practice, the methodology of teaching Spanish and Russian as foreign languages, as well as to the theory and practice of intercultural communication.*

Keywords *Conceptual metaphor, cultural determinant, slang, nationally specific models, Russian language, Spanish language, cognitive linguistics, contrastive linguistics*

Rus va ispan slengidagi milliy o'ziga xos metaforik modellarning madaniy determinantlari

Abdullayev Marks Kamiljanovich
cazador@yandex.ru
Tayanch doktorant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqola rus va ispan slengidagi metaforik modellarning madaniy determinantlarini qiyosiy tahlil qilishga bag'ishlangan. Kognitiv tilshunoslikda olib borilgan keng qamrovli tadqiqotlarga qaramay, ushbu ikki tildagi substandart leksikada metaforalashtirishning madaniy shartlanganligi muammosi yetarli darajada o'rganilmagan. Tadqiqotning ilmiy yangiligi milliy o'ziga xos metaforik modellarni shakllantiruvchi madaniy determinantlarning ierarxik tashkil topishini tavsiflashdan iborat. Obro'li leksikografik manbalardan to'liq tanlab olish usuli asosida 4 199 birlikdan iborat korpus tuzildi (1 970 – rus slengi, 2 229 – ispan slengi); MIPVU metaforani identifikatsiyalash metodikasi va freym tahlili qo'llanildi. Natijalar shuni ko'rsatdiki, IDISH, YO'L va KUCH arxetipik sxemalari ikkala tildagi materialning 85–89 foizini qamrab oladi. Milliy o'ziga xos freymlar korpusning taxminan 30 foizini tashkil etadi: rus slengida YO'L, UY, ERKINLIK, TAQDIR konseptlari; ispan slengida esa – SHARAF, EHTIROS, O'LIM, BAYRAM konseptlari dominant hisoblanadi. Olingan natijalar kengaytirilgan konseptual metafora nazariyasini tasdiqlaydi hamda konseptual domenlar darajasida madaniy filtrlar ta'sirini ko'rsatadi. Tadqiqot*

natijalari leksikografik amaliyotda, ispan va rus tillarini xorijiy til sifatida o'qitish metodikasida, shuningdek, madaniyatlararo muloqot nazariyasi va amaliyotida qo'llanilishi mumkin.

Kalit so'zlar *Konseptual metafora, madaniy determinant, sleng, milliy o'ziga xos modellar, rus tili, ispan tili, kognitiv tilshunoslik, qiyosiy tilshunoslik*

Культурные детерминанты национально-специфических метафорических моделей в русском и испанском сленге

Абдуллаев Маркс Камильжанович
cazador@yandex.ru
Базовый докторант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья посвящена сопоставительному анализу культурных детерминантов метафорических моделей в русском и испанском сленге. Несмотря на значительный корпус когнитивно-лингвистических исследований, проблема культурной обусловленности метафоризации в субстандартной лексике двух языков остаётся недостаточно разработанной. Научная новизна работы состоит в описании иерархической организации культурных детерминантов, формирующих национально-специфические метафорические модели. Методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников сформирован корпус из 4 199 единиц (1 970 – русский сленг, 2 229 – испанский сленг); применялись процедура идентификации метафор MIPVU и фреймовый анализ. Результаты показали, что архетипические схемы КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ и СИЛА охватывают 85-89% материала в обоих языках. Национально-специфические фреймы составляют около 30% корпуса: в русском сленге доминируют концепты ДОРОГА, ДОМ, ВОЛЯ, СУДЬБА; в испанском – ЧЕСТЬ, СТРАСТЬ, СМЕРТЬ, ПРАЗДНИК. Полученные данные верифицируют расширенную концептуальную теорию метафоры и раскрывают механизм культурных фильтров, действующих на уровне концептуальных доменов. Результаты применимы в лексикографической практике, методике преподавания испанского и русского как иностранных языков, а также в теории и практике межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова *Концептуальная метафора, культурный детерминант, сленг, национально-специфические модели, русский язык, испанский язык, когнитивная лингвистика, сопоставительное языкознание*

Введение

Сленг занимает особое место среди объектов современной когнитивной лингвистики: будучи наиболее динамичным и социально маркированным пластом лексики, он отражает те изменения в концептуализации действительности, которые происходят на стыке культурного опыта и языковой инновации. Концептуальные метафоры,

структурирующие сленговые единицы, представляют собой не просто риторические украшения, но устойчивые когнитивные схемы, посредством которых носители языка осмысляют реальность (Lakoff & Johnson, 1980; 5). Вместе с тем очевидно, что несмотря на значительный общечеловеческий компонент метафорической системы, конкретный «выбор» той или иной сферы-источника во многом детерминирован культурными факторами – историческими, аксиологическими, социальными (Kövecses, 2005; 231).

Сопоставительное изучение сленговой метафорики в типологически и культурно различных языках – в данном случае русском и испанском – позволяет с высокой степенью точности разграничить универсальные и культурно-специфические составляющие метафорической системы. Актуальность такого подхода определяется несколькими факторами. Во-первых, оба языка обладают богатой традицией субстандартной лексики, детально задокументированной в лексикографических источниках, что обеспечивает сопоставимость эмпирических данных. Во-вторых, русская и испанская лингвокультуры формировались в существенно различных цивилизационных контекстах, что создаёт оптимальные условия для выявления именно культурного компонента метафорической детерминации. В-третьих, когнитивно-лингвистический анализ сленга по-прежнему остаётся периферийной, хотя и стремительно развивающейся областью по сравнению с изучением метафорики литературного языка (Eble, 1996; Coleman, 2012).

Проблемная область исследования очерчивается следующим образом: каким образом и в какой степени культурные детерминанты – исторические архетипы, аксиологические доминанты, социальные практики – обусловливают национально-специфические метафорические модели в русском и испанском сленге? Какова иерархия этих детерминантов и где пролегает граница между культурно-специфическим и универсальным?

Цель настоящей статьи – провести систематический сопоставительный анализ культурных детерминантов метафорических моделей в русском и испанском сленге на основе корпусных данных, выявить иерархическую структуру взаимодействия универсальных архетипических схем и национально-специфических фреймов, а также охарактеризовать основные лингвокультурные концепты, выполняющие роль культурных фильтров метафоризации в каждом из исследуемых языков.

Теоретической базой служат концептуальная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980), теория вариативности метафоры З. Ковечеша (2005, 2020), расширенная концептуальная теория метафоры (Extended CMT) (Kövecses, 2020), культурная лингвистика Ф. Шарифиана (2017), а также когнитивная социолингвистика Г. Кристиансена и Р. Дирвена (2008). Материалом исследования послужил корпус из 4 199 сленговых единиц, извлечённых методом сплошной выборки из словарей В.С. Елистратова, Т.Г. Никитиной, Д. Карбонелля Бассета и Х. Санмартин Саес (Елистратов, 2000; Никитина, 2015; Carbonell Basset, 2000; Sanmartín Sáez, 1998).

Изучение культурного измерения метафоры в рамках когнитивной лингвистики имеет протяжённую историю. Пионерский труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» (1980) наглядно показал, что метафора является не стилистическим украшением, а фундаментальным когнитивным механизмом. Однако ранние работы в рамках этой парадигмы тяготели к поиску универсальных структур, отодвигая культурную специфику на второй план (Johnson, 1987; Grady, 1997).

Поворотным пунктом стала монография З. Ковечеша (2005), в которой автор систематически исследовал взаимодействие универсального и культурно-специфического в метафорической системе. Опираясь на кросс-лингвистический материал – прежде всего английского, венгерского и испанского языков, – Ковечеш выделил два типа факторов метафорической вариативности: дифференцированный опыт (differential experience) и дифференцированные когнитивные предпочтения (differential cognitive preferences) (Kövecses, 2005; 231–232). Эта концептуальная рамка получила дальнейшее развитие в его же расширенной теории концептуальной метафоры (Extended CMT), где в число «контекстуальных факторов» метафорообразования включены среда, тело, история и культура (Kövecses, 2020).

В русистике проблема культурной обусловленности метафоры разрабатывалась преимущественно в контексте политического дискурса – в частности, в трудах А. П. Чудинова (2001) – и фразеологии (Телия, 1996; Арутюнова, 1990). Применительно к сленгу русскоязычная традиция тяготела к лексикографическому описанию (Елистратов, 2000; Никитина, 2015; Химик, 2000) при недостаточной теоретической разработке когнитивных аспектов. В испанистике фреймовый и концептуальный анализ сленга представлен работами А. Бриса (1998), Х. Санмартин Саес (1998), а также лингвокогнитивными исследованиями в русле испанской когнитивной лингвистики (Ibarretxe-Antuñano & Valenzuela, 2012). Вопросы региональной вариативности испанского сленга в условиях языковых контактов рассмотрены применительно к центральноамериканскому ареалу (Абдуллаев, 2025); процессы метафорического моделирования от когнитивных структур к языковым реализациям в испанском сленге проанализированы в (Abdullaev, 2025).

Применение методологии культурной лингвистики к сленговому материалу – сравнительно новое направление. Г. Палмер (1996) и Ф. Шарифиан (2017) обосновали теоретические основания для изучения культурных концептуализаций в субстандартном дискурсе, а К. Кристиансен и Р. Дирвен (2008) предложили инструментарий когнитивной социолингвистики для анализа языковой вариативности. Вместе с тем сопоставительное исследование, охватывающее одновременно обе языковые системы в когнитивно-культурологическом ключе, по-прежнему представляет значительный исследовательский интерес. Именно этот пробел призвана заполнить настоящая работа.

Теоретические основания

Концептуальная теория метафоры, заложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (1980), исходит из принципа, согласно которому абстрактные понятийные области (сферы-цели) структурируются посредством более конкретных (сфер-источников) через систему устойчивых соответствий (маппингов). Из этого принципа следует, что анализ метафорической системы языка позволяет реконструировать когнитивную картину мира его носителей. Фундаментальный вопрос, остававшийся дискуссионным вплоть до концепции Ковечеша, состоял в следующем: в какой мере эти когнитивные структуры универсальны, а в какой – культурно специфичны?

Согласно позиции Ковечеша (2005; 35), определённый класс концептуальных метафор опирается на универсальный телесный опыт: такие метафоры, как ХОРОШЕЕ – НАВЕРХУ / BAD IS DOWN, БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ / MORE IS UP, являются, по существу, физиологически обоснованными. Однако там, где телесный

опыт варьируется или дополняется культурными практиками, – в частности, в сфере социальных отношений, эмоций, морали – культурные модели начинают действовать как фильтры, определяя, какие именно аспекты сферы-источника активируются при метафорическом переносе. А. Вежбицкая (1992) убедительно показала, что даже, казалось бы, «нейтральные» базовые понятия – такие как «дом» или «путь» – несут существенную культурную нагрузку, порождая различные метафорические следствия в разных лингвокультурах.

Для настоящего исследования принципиальным является разграничение четырёх аналитических уровней метафорической организации: (I) универсальные архетипические схемы (image schemas по Дж. Джонсону (1987)); (II) концептуальные домены с устойчивыми маппингами; (III) культурные фреймы, включая национально-специфические и субкультурные; (IV) контекстуальные реализации в конкретных сленговых единицах. Данная иерархия согласуется с расширенной теорией концептуальной метафоры (Kövecses, 2020), где подчёркивается роль культурного контекста как самостоятельного фактора, надстраивающегося над телесным воплощением (embodiment). Схематически данная модель представлена на рис. 1.

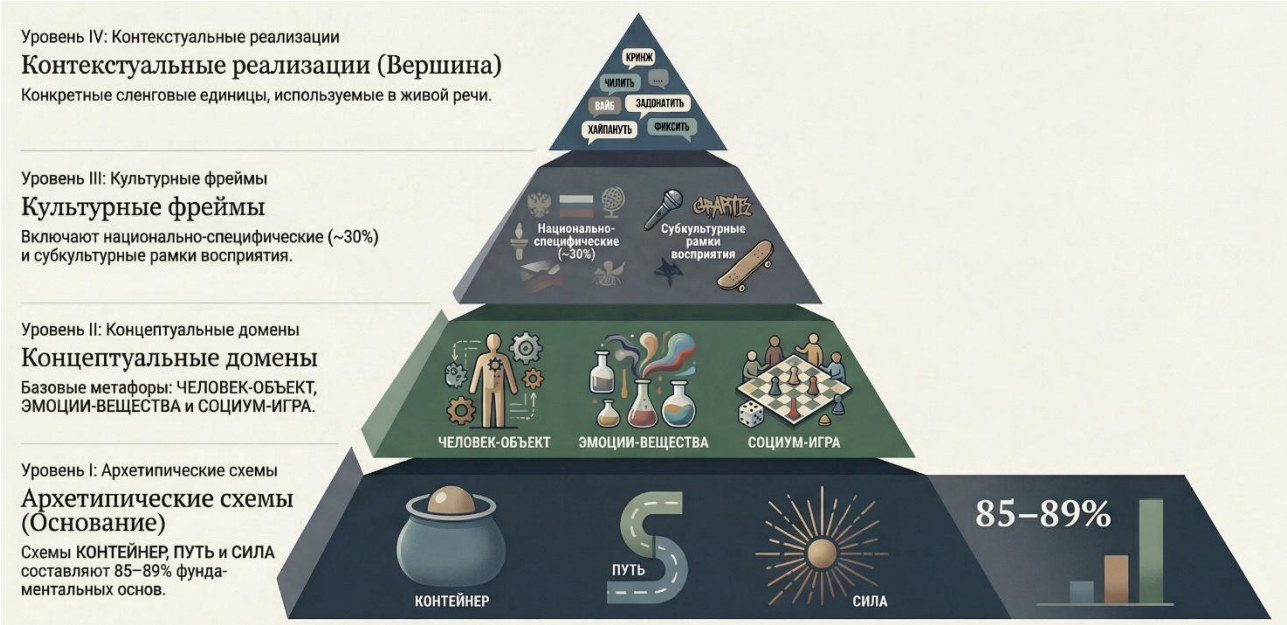

Рисунок 1. *Иерархическая модель культурной детерминации метафорических систем в сленге*

Культурный детерминант – понятие, используемое в данной работе как рабочий термин, – обозначает устойчивый историко-культурный, аксиологический или социальный фактор, систематически обусловливающий выбор сферы-источника при метафорическом переносе в рамках конкретной лингвокультуры. Культурные детерминанты действуют не как жёсткие «запреты» или «предписания», а как фоновые ориентиры, формирующие когнитивную среду метафоризации – то, что Ф. Шарифиан называет «культурными концептуализациями» (Sharifian, 2017; 15). Сленг, в отличие от кодифицированного языка, особенно прозрачен для действия этих детерминантов, поскольку его единицы создаются и функционируют в границах

конкретных социальных групп с высокой степенью культурной гомогенности (Eble, 1996; 11; Coleman, 2012; 3).

Материал и Методология исследования

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 4 199 сленговых единиц, отобранных методом сплошной выборки из русскоязычных и испаноязычных лексикографических источников. В русскоязычной части использовались «Словарь русского арго» В. С. Елистратова (2000) и «Молодёжный сленг: толковый словарь» Т. Г. Никитиной (2015), что обеспечило охват как молодёжного сленга, так и субкультурного арго советского и постсоветского периодов. Для испанского материала задействовались «Gran diccionario del argot el sohez» Д. Карбонелля Бассета (2000) и «Diccionario de argot» Х. Санмартин Саес (1998), а также данные корпуса разговорной речи Национального корпуса испанского языка (CREA). Итоговый корпус составили 1 970 русских и 2 229 испанских единиц.

Критерием включения единицы в корпус служило наличие у неё метафорического значения, устанавливаемого по словарным дефинициям с опорой на методику идентификации метафор MIPVU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit Amsterdam) (Steen et al., 2010). Данная процедура предполагает сравнение контекстуального и базового значений лексемы: слово квалифицируется как метафорически употреблённое, если его контекстуальное значение может быть понято через сравнение с более конкретным базовым значением. Применение стандартизированной процедуры обеспечило воспроизводимость результатов и минимизировало интерпретативный произвол.

Каждая отобранная единица подверглась многоуровневому анализу. На первом этапе определялась сфера-источник метафорического переноса и её принадлежность к одной из универсальных архетипических схем. На втором этапе устанавливался концептуальный домен – устойчивый маппинг между двумя понятийными областями (например, «ЧЕЛОВЕК как ОБЪЕКТ», «ЭМОЦИИ как ВЕЩЕСТВА»). На третьем этапе выявлялась принадлежность к национально-специфическому или субкультурному фрейму посредством сопоставительного анализа: единица квалифицировалась как культурно-специфическая, если аналогичный маппинг отсутствовал в корпусе другого языка либо реализовывался посредством иных культурных образов. Четвёртый этап – описание контекстуальной реализации в конкретных сленговых высказываниях.

Статистическая обработка данных включала подсчёт абсолютных частот и их перевод в процентные показатели по отношению к объёму корпуса каждого языка, что обеспечило сопоставимость результатов при неодинаковом объёме подкорпусов. Для проверки значимости различий в распределениях применялся критерий χ^2 (хи-квадрат); статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$.

Результаты исследования

Результаты анализа показали, что метафорические модели в русском и испанском сленге организованы иерархически: от относительно универсальных архетипических схем к высококультурно-специфическим фреймам. Представим полученные данные последовательно по уровням анализа.

Уровень I: архетипические схемы. Три базовые архетипические схемы – КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ и СИЛА – охватывают подавляющее большинство метафорического материала в обоих языках: 88,5% в русском корпусе и 85,2% в испанском. Схема КОНТЕЙНЕР занимает лидирующую позицию (34,7% и 33,0% соответственно): она реализуется в

сленговых номинациях, концептуализирующих психику, сознание, эмоциональное состояние как некое вместилище – рус. *быть не в себе*, *выйти из себя*; исп. *estar fuera de sus casillas* "быть в состоянии аффекта", *salir de sus cabales* "лишиться рассудка". Архетип ПУТЬ представлен в 28,3% русского и 27,5% испанского материала: рус. *дойти до ручки*, *съехать с катушек*; исп. *ir por mal camino*, *estar en el buen rollo*. Архетип СИЛА фиксируется с практически идентичной частотностью в обоих языках – 21,8%: рус. *убить* (сильно поразить), *зарядить* (дать энергию); исп. *matar* (быть очень привлекательным), *estar prendido* (быть возбуждённым).

Уровень II: концептуальные домены. На промежуточном уровне выделяются четыре устойчивые доменные структуры. Модель «ЧЕЛОВЕК как ОБЪЕКТ» демонстрирует наибольшую частотность – 20,4% в русском и 17,1% в испанском корпусе; разница статистически значима ($\chi^2 = 8{,}3$, $p < 0{,}01$), что свидетельствует о более выраженной тенденции к овеществлению социальных отношений в русском сленге. Рус. *тело*, *машина*, *мосол*; исп. *cuerpo*, *máquina*, *flaco*. Модель «ЭМОЦИИ как ВЕЩЕСТВА» устойчиво присутствует в обоих корпусах (14,1% и 14,6%): рус. *кипеть*, *переливать*; исп. *hervir*, *derretirse*. Модель «СОЦИУМ как ИГРА» показывает статистически значимые различия (11,1% vs. 15,9%, $\chi^2 = 12{,}7$, $p < 0{,}001$), причём в испанском сленге она существенно более развита, что соотносится с карнавальной и игровой составляющей испанской культуры.

Уровень III: культурные фреймы. Данный уровень демонстрирует наибольшую межъязыковую вариативность. Национально-специфические фреймы охватывают 29,9% русского и 31,1% испанского материала; субкультурные – 36,4% и 37,7% соответственно. Именно на этом уровне наиболее отчётливо проявляется действие культурных детерминантов.

В русском сленге функцию ведущих культурных детерминантов выполняют четыре лингвокультурных концепта. Концепт ДОРОГА / ПУТЬ, укоренённый в исторической практике освоения пространства и православной идее жизненного пути, порождает разветвлённую метафорическую цепочку: *слететь с катушек*, *покатиться по наклонной*, *вырулить*, *занесло*. Концепт ДОМ / СВОЁ-ЧУЖОЕ отражает коллективистскую ценностную систему и бинарное деление социального пространства: *свой*, *чужак*, *наш брат*, *не в масть*. Концепт ВОЛЯ, специфический для русской аксиологии (Чудинов, 2001), реализуется в метафорах свободы/несвободы: *под колпаком*, *в загоне*, *на воле*. Концепт СУДЬБА / ФАТУМ, связанный с культурной установкой на непреодолимость внешних обстоятельств, детерминирует такие единицы, как *попал*, *кирдык*, *труба* (о безвыходном положении).

В испанском сленге ведущими культурными детерминантами выступают иные концепты. Концепт ЧЕСТЬ / HONRA, исторически значимый для иберийской культурной традиции (Sanmartín Sáez, 1998; 23), детерминирует метафоры достоинства и репутации: *tener cara* (иметь наглость / лицо), *quedar bien / mal* (хорошо / плохо выглядеть в чужих глазах). Концепт СТРАСТЬ / PASIÓN обусловливает гиперболические метафоры интенсивности переживания: *estar colado* (быть сильно влюблённым, дословно: "быть просочившимся"), *flipar* (быть в восторге). Концепт СМЕРТЬ / MUERTE – в духе средиземноморской карнавализации смерти (Briz, 1998; 56) – функционирует как метафора крайней степени любого переживания: *te mato* (ты меня убиваешь – о чём-то восхитительном), *me muero* (умираю от восхищения / смущения). Концепт ПРАЗДНИК / FIESTA формирует метафоры веселья, непринуждённого общения и группового единства: *estar de buen rollo*,

montar el número, qué juerga. Сопоставительная схема национально-специфических культурных детерминантов в обоих языках представлена на рис. 2.

Рисунок 2. *Национально-специфические культурные детерминанты метафорических моделей в русском и испанском сленге*

Уровень / Когнитивная структура	Рус. сленг, n	%	Исп. сленг, n	%	Универсаль-ность
I. Архетипические схемы	1 743	88,5	1 899	85,2	Высокая
– КОНТЕЙНЕР	684	34,7	736	33,0	++
– ПУТЬ	558	28,3	613	27,5	++
– СИЛА	429	21,8	486	21,8	++
II. Концептуальные домены (всего)	1 970	100,0	2 229	100,0	Средняя
– ЧЕЛОВЕК-ОБЪЕКТ	402	20,4	381	17,1	++
– ЭМОЦИИ-ВЕЩЕСТВА	278	14,1	325	14,6	++
– СОЦИУМ-ИГРА	219	11,1	354	15,9	+
– МЫШЛЕНИЕ-ДВИЖЕНИЕ	203	10,3	221	9,9	+
III. Культурные фреймы	1 306	66,3	1 533	68,8	Низкая
– Нац.-специфические	589	29,9	693	31,1	--
– Субкультурные	717	36,4	840	37,7	-

Таблица 1. *Иерархическая организация метафорических моделей в русском и испанском сленге*

Примечание: *++ высокая универсальность, + средняя универсальность, - низкая универсальность, -- культурно-специфические единицы.*

Особого внимания заслуживает феномен изоморфных структур с различным культурным наполнением – случаи, когда формально идентичная метафорическая модель обнаруживает принципиально разное аксиологическое содержание в двух языках. Наглядным примером служит модель «ОГОНЬ – ИНТЕНСИВНОСТЬ»: рус. *зажечь* акцентирует социальный, коллективный аспект (зажечь компанию, зажечь публику), тогда как исп. *estar ardiendo*, *ser un fuego* выдвигают на первый план индивидуальное эмоциональное состояние – страсть, сексуальное влечение, — что коррелирует с известной концепцией испанского культурного концепта страстности (Wierzbicka, 1992; 67).

Обсуждение результатов

Полученные данные в целом согласуются с положениями расширенной концептуальной теории метафоры З. Ковечеша (2020): действительно, архетипические схемы, опирающиеся на телесный опыт, образуют «ядро» метафорической системы, тогда как культурные фреймы формируют переменную «периферию». Вместе с тем ряд результатов уточняет и дополняет существующие теоретические положения.

Прежде всего обращает на себя внимание значительный удельный вес национально-специфических фреймов (~30% в обоих языках) при практически идентичном распределении архетипических схем. Это свидетельствует о том, что культурная детерминация действует не столько через «выбор» архетипической схемы (КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ, СИЛА) – он, по существу, предопределён когнитивной архитектурой человека, – сколько через специфическое заполнение этих схем национально-культурным содержанием. Иными словами, и русский, и испанский носители языка концептуализируют психологическое состояние через схему КОНТЕЙНЕРА, однако в качестве конкретного «наполнителя» русский сленг апеллирует к понятиям власти и несвободы (*под колпаком*, *в загоне*), тогда как испанский – к понятиям страсти и интенсивности (*estar lleno de pasión*, *rebosar*).

Статистически значимые различия в представленности модели «СОЦИУМ как ИГРА» (11,1% vs. 15,9%) нуждаются в культурологической интерпретации. А. Брис (1998; 87) охарактеризовал испанскую разговорную речь как принципиально игровую, ориентированную на создание особой коммуникативной атмосферы. Карнавальная традиция в испанской культуре, описанная в целом ряде культурно-антропологических исследований, закономерно порождает более богатый репертуар игровых метафор в сленге. Примечательно, что латиноамериканские варианты испанского языка демонстрируют ещё более высокий показатель по данному параметру: в мексиканском городском сленге фиксируется около 18% метафор игрового домена.

Доминирование модели «ЧЕЛОВЕК как ОБЪЕКТ» в русском сленге (20,4% vs. 17,1%) может быть осмыслено в контексте историко-культурных детерминантов: советская и постсоветская эпохи с их специфической практикой деперсонализации и «инструментализации» человека формировали лингвокогнитивную среду, в которой метафора овеществления оказывалась особенно продуктивной (Химик, 2000; 134). Этот вывод согласуется с наблюдениями З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2007) о специфике русского языкового сознания.

Феномен изоморфных структур с различным культурным наполнением представляется теоретически значимым: он демонстрирует, что культурные детерминанты действуют преимущественно на уровне концептуального заполнения (что именно подчёркивается в метафорическом маппинге), а не на уровне самой структуры маппинга. Это наблюдение

подтверждает тезис Ковечеша (2005; 231) о дифференцированных когнитивных предпочтениях как факторе метафорической вариативности: два сообщества могут использовать одну и ту же архетипическую схему, но систематически выделять разные её аспекты в соответствии с культурной аксиологией.

Выявленные результаты верифицируют применимость иерархической модели анализа к сленговому материалу. Ряд исследователей – в частности, А. Дейньян (2005; 57) – высказывали сомнения в адекватности инструментария концептуальной теории метафоры для субстандартного дискурса, указывая на его принципиально иную коммуникативную природу. Полученные данные опровергают этот скептицизм: сленговые метафоры обнаруживают точно такую же иерархическую организацию, как и метафоры литературного языка, – с поправкой на более высокий удельный вес субкультурных фреймов и более быструю динамику обновления лексического репертуара.

Ограничения исследования связаны прежде всего с синхроническим характером анализа: диахроническое измерение (изменение удельного веса тех или иных культурных детерминантов на протяжении XX–XXI вв.) остаётся за пределами рассмотрения. Кроме того, корпус ограничен пиренейским вариантом испанского языка; латиноамериканские варианты с их специфическими культурными детерминантами (mestizaje, революционная образность) составляют перспективный предмет отдельного исследования. Наконец, вопрос о гендерном и возрастном варьировании культурных детерминантов внутри каждой лингвокультуры заслуживает самостоятельной разработки.

Заключение

Проведённое сопоставительное исследование культурных детерминантов метафорических моделей в русском и испанском сленге позволяет сформулировать следующие выводы.

Метафорические системы обоих языков организованы иерархически и включают как высокоуниверсальные (архетипические схемы КОНТЕЙНЕРА, ПУТИ и СИЛЫ, охватывающие 85-89% материала), так и культурно-специфические компоненты (национально-специфические фреймы – около 30% корпуса). Сам факт столь значительного присутствия национальной специфики опровергает как гипотезу о принципиальной универсальности метафорических систем, так и чрезмерно релятивистские позиции, отрицающие общечеловеческую когнитивную составляющую.

Культурные детерминанты действуют преимущественно через специфическое заполнение универсальных схем национально-культурным содержанием, а не через выбор принципиально иных схем. В русском сленге доминирующими детерминантами выступают концепты ДОРОГА, ДОМ, ВОЛЯ и СУДЬБА, отражающие коллективистскую аксиологию и исторически сложившиеся социальные практики. В испанском сленге ведущую роль играют концепты ЧЕСТЬ, СТРАСТЬ, СМЕРТЬ и ПРАЗДНИК, коррелирующие с индивидуалистической ценностной системой и карнавальной культурной традицией.

С теоретической точки зрения полученные результаты верифицируют расширенную концептуальную теорию метафоры З. Ковечеша, подтверждая иерархическую природу метафорических систем и роль культурного контекста как самостоятельного уровня детерминации. В практическом плане выявленные закономерности открывают перспективы для разработки сопоставительных метафорических словарей, материалов для обучения испанскому и русскому как иностранным языкам, а также методических

рекомендаций в сфере межкультурной коммуникации. Дальнейшие исследования представляется целесообразным направить на диахронический анализ культурных детерминантов, расширение корпуса за счёт латиноамериканских вариантов испанского языка и разработку многоязычной сопоставительной базы данных сленговых метафор.

References:

1. Абдуллаев, М. К. (2025). Вариативность лексикона (сленга) в испанском языке стран Центральной Америки через призму языковых контактов. *Журнал гуманитарных и естественных наук, 28*(1), 200–214.
2. Арутюнова, Н. Д. (1990). *Метафора и дискурс.* В Н. Д. Арутюнова, М. А. Журинская (Ред.), Теория метафоры. 5–32. Прогресс.
3. Елистратов, В. С. (2000). *Словарь русского арго* (материалы 1980–1990-х гг.). Русские словари.
4. Никитина, Т. Г. (2015). *Молодёжный сленг: толковый словарь.* АСТ; Астрель.
5. Попова, З. Д., & Стернин, И. А. (2007). *Когнитивная лингвистика.* АСТ-Восток-Запад.
6. Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* Языки русской культуры.
7. Химик, В. В. (2000). *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен.* Изд-во СПбГУ.
8. Чудинов, А. П. (2001*). Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000).* Урал. гос. пед. ун-т.
9. Abdullaev, M. K. (2025). Metaphorical modeling in Spanish slang: from cognitive structures to linguistic realizations. *Western European Journal of Linguistics and Education, 3*(12), 64–68. https://westerneuropeanstudies.com/index.php/2/article/view/3099
10. Briz, A. (1998). *El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragmagramática.* Ariel.
11. Carbonell Basset, D. (2000). *Gran diccionario del argot el sohez.* Larousse.
12. Coleman, J. (2012). *The life of slang.* Oxford University Press.
13. Deignan, A. (2005). *Metaphor and corpus linguistics.* John Benjamins.
14. Eble, C. (1996). *Slang and sociability: In-group language among college students.* University of North Carolina Press.
15. Grady, J. (1997). *Foundations of meaning: Primary metaphors and primary scenes* [Doctoral dissertation, University of California, Berkeley].
16. Ibarretxe-Antuñano, I., & Valenzuela, J. (Eds.). (2012). *Lingüística cognitiva.* Anthropos.
17. Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason.* University of Chicago Press.
18. Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: Universality and variation.* Cambridge University Press.
19. Kövecses, Z. (2020). *Extended conceptual metaphor theory.* Cambridge University Press.
20. Kristiansen, G., & Dirven, R. (Eds.). (2008). *Cognitive sociolinguistics: Language variation, cultural models, social systems.* Mouton de Gruyter.
21. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by.* University of Chicago Press.
22. Navarro Ferrando, I. (2024). Frames and semantic roles in metaphorical mappings. *Review of Cognitive Linguistics, 22*(1). https://doi.org/10.1075/rcl.00180.nav

23. Palmer, G. B. (1996). *Toward a theory of cultural linguistics.* University of Texas Press.
24. Sanmartín Sáez, J. (1998). *Diccionario de argot.* Espasa Calpe.
25. Sharifian, F. (2017*). Cultural linguistics: Cultural conceptualisations and language.* John Benjamins.
26. Steen, G. J., Dorst, A. G., Herrmann, J. B., Kaal, A. A., Krennmayr, T., & Pasma, T. (2010). *A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU.* John Benjamins.
27. Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations.* Oxford University Press.